

Чэн Чжилинь смотрел на Чжао Чжимань. Раньше она казалась ему мягкой и приятной, но теперь он чувствовал, что она постоянно давит на него — заставляет принять её в дом, воспитывать Чэн Кэ, бороться за её интересы. Чэн Чжилинь вдруг понял, что лицо Чжао Чжимань больше не кажется красивым, а, напротив, выглядит уродливо и пугающе.

— Чжилинь, что с тобой?

Чэн Чжилинь оттолкнул её руку:

— Ты и Цзыюэ продолжайте делать, что хотите. Дойдёт до того, что мы будем питаться одной травой, и тогда вы успокоитесь.

Чжао Чжимань не поняла, что он имел в виду. Она лишь увидела, как он оттолкнул её руку, и поняла, что он больше не будет защищать Чэн Цзыюэ. Если Чэн Кэ подаст на него в суд, он ничего не сможет сделать.

Чжао Чжимань хотела удержать Чэн Чжилиня, но он обернулся и сказал:

— В ближайшее время я не вернусь домой.

Чэн Цзыюэ подошёл:

— Папа, а как же я? Папа, я сделал ошибку, но это из-за тебя. Ты просто бросишь меня?

Чэн Чжилинь вздохнул:

— Цзыюэ, тебе уже семнадцать. Ты должен сам отвечать за свои ошибки. Я не могу всегда быть рядом с тобой.

— Папа!

— Чжилинь!

Чэн Чжилинь ушёл, потому что знал, что перед стариком он ничего не добьётся. Лучше уйти, чтобы не раздражать его, и, возможно, он хотя бы запомнит его как человека, который знал своё место.

После его ухода Чжао Чжимань и Чэн Цзыюэ смотрели друг на друга, чувствуя холод в душе. Он просто сбежал, но разве настоящий мужчина не должен поддерживать свою семью в трудную минуту?

Поведение Чэн Чжилиня всё больше раздражало Чжао Чжимань, и она начала подозревать, что у него есть кто-то на стороне. Иначе где он проводит ночи?

Каждый день в отеле? Чжао Чжимань не верила.

Она вдруг поняла чувства, которые испытывала Хэ Цзяхуэй. Действительно, зачем женщине мучить другую женщину? Но теперь у неё не было выбора, и она сама была виновата в том, что привязалась к Чэн Чжилиню. Теперь ей пришлось пожинать плоды.

Внутри Чжао Чжимань происходили большие перемены. Чэн Цзыюэ тоже начал понимать, что его отец в доме Чэн — просто никчёмный человек. Доверять ему бесполезно, лучше попытаться войти в корпорацию Чэн и построить свою карьеру.

Чжао Чжимань и Чэн Цзыюэ действительно были матерью и сыном. Даже увидев бесполезность Чэн Чжилия, они всё же рассчитывали на корпорацию Чэн и надеялись получить от неё достаточно.

Когда Цзян Хао вернулся, он увидел их стоящими в гостиной, как будто наказанными. Он улыбнулся:

— Вас что, поставили в угол?

Чэн Цзыюэ проигнорировал Цзян Хао и поднялся вверх. Чжао Чжимань же посмотрела на него с презрением:

— Кто ты такой, чтобы так со мной разговаривать?!

Цзян Хао задумался:

— Кто я? Гость Сяо Кэ? Сын вашего шофёра?

Чжао Чжимань с презрением посмотрела на него:

— Слуга, и так себя ведёт!

Цзян Хао улыбнулся:

— А любовница так разговаривает с гостями!

— Ты...

— Я в порядке, пошёл учиться. Тётушка-любовница, удачи тебе.

Чжао Чжимань почувствовала себя опустошённой. Даже слуга мог смотреть на неё свысока. Её положение было настолько низким?

Действительно, жизнь в богатой семье была не такой простой. Она когда-то изо всех сил старалась привязать к себе Чэн Чжилия, но теперь чувствовала, что жизнь за пределами дома была комфортнее.

Чжао Чжимань опустила голову, и в её глазах появилась жесткость, которой раньше не было.

Старик приехал в Пекин не только ради этого. Поговорив с Чэн Кэ, он уехал.

Через неделю Чэн Цзыюэ получил повестку в суд. На этот раз он испугался, потому что действительно не хотел садиться в тюрьму. Но теперь ему не к кому было обратиться. Чэн Чжилия был бесполезен, Чжао Чжимань — тем более. Поэтому Чэн Цзыюэ решил поговорить с Чэн Кэ наедине.

Чэн Кэ скрестил руки на груди:

— Что нужно?

— Чэн Кэ, прости, умоляю, отзови иск, ладно?

Чэн Кэ покачал головой:

— Нет. У меня есть доказательства, и ты действительно оклеветал меня. Ты думаешь, я просто так отзову иск? Ничего в этом мире не бывает так просто.

— Я извиняюсь перед тобой, прости.

— Я не принимаю извинений.

Чэн Цзыюэ вдруг упал на колени. Чэн Кэ смотрел на него, не говоря ни слова. Чэн Цзыюэ начал говорить:

— Чэн Кэ, прости, я ошибся. Это действительно была моя вина. Сейчас уже последний год школы, и если я сяду в тюрьму, моя жизнь будет разрушена.

Чэн Кэ улыбнулся:

— Твоя жизнь важна, а моя нет? Не будь лицемером. Не забудь явиться в суд, иначе тебя могут осудить заочно.

Не дав Чэн Цзыюэ сказать что-то ещё, Чэн Кэ ушёл.

Чэн Цзыюэ смотрел ему в спину, долго не вставая.

За неделю до суда Чжоу Юньчуань и Чжан Ихань вместе нашли Чэн Кэ. Трое сидели в кафе, пили горячий шоколад. Чжан Ихань сказал:

— Сяо Кэ, я слышал, ты подаёшь в суд на своего брата?

Чэн Кэ кивнул:

— Да, через неделю слушание.

Чжан Ихань задумался:

— Сяо Кэ, я изучил это дело. Ты точно выиграешь, но твой брат Чэн Цзыюэ вряд ли получит тюремный срок. Самый большой риск у Ван Шаовэня, потому что он подсыпал наркотик. Но если он заявит, что у старосты класса и той девушки были отношения, он тоже может избежать наказания.

Чэн Кэ медленно поднял голову, его голос стал холоднее:

— Режиссёр Чжан, что вы имеете в виду?

— Эй, Сяо Кэ, не пугай меня так. Я просто анализирую ситуацию. Во-первых, твой брат вряд ли получит тюремный срок, максимум — штраф, и даже он будет небольшим, ведь ему ещё нет восемнадцати. То есть, подавая на него в суд, ты просто напугаешь его, но серьёзного наказания он не получит. Школа, скорее всего, снимет с тебя взыскание, но ты мог бы добиться этого и другим путём.

— И что?

— Я советую тебе отозвать иск.

Чэн Кэ не ответил, а пристально посмотрел на Чжоу Юньчуаня:

— Ты тоже так думаешь?

Несколько недель не виделись, и Чжоу Юньчуань немного загорел. Его волосы, которые раньше падали свободно, теперь были аккуратно зачесаны назад, что делало его ещё более привлекательным.

Радость Чэн Кэ от встречи с ним постепенно угасла в тишине Чжоу Юньчуаня. Ведь именно он сначала поддержал его, а теперь советовал отступить?

Чжоу Юньчуань в последнее время чувствовал себя не очень хорошо. Он давно понял, что нравился Чэн Кэ, но не хотел втягивать его в свой круг. Если бы Чэн Кэ мог жить спокойной жизнью, он был бы готов исчезнуть из неё.

Чжоу Юньчуань когда-то уже влюблялся в одного человека, можно сказать, тайно. Он не признавался в чувствах, надеясь, что забота поможет ему завоевать сердце, но вскоре тот человек начал встречаться с другим. Чжоу Юньчуань не мог ничего сказать, ведь он даже не признался.

Конечно, он не считал это любовью, ведь одностороннее чувство — это не совсем то же самое. Прошло много лет, и теперь он снова влюбился, но, возможно, ему пришлось бы пережить то же самое, потому что Чэн Кэ был не геем.

В последнее время Чжоу Юньчуань работал с удвоенной силой, чтобы забыть о Чэн Кэ. В свободное время он усердно тренировался, иногда играл в теннис, словом, не давал себе ни секунды покоя. Поэтому при встрече он похудел и стал более смуглым. Чжоу Юньчуань заметил, что Чэн Кэ тоже немного похудел — его и без того худой подбородок стал ещё острее.

Он хотел сказать какие-то тёплые слова, но Чэн Кэ не давал ему шанса. А теперь, когда он посмотрел на него, в его взгляде читался особый смысл.

Чжоу Юньчуань немного помолчал, а затем ответил:

— Да, я тоже так думаю.

Взгляд Чэн Кэ потемнел. Он слегка опустил голову, избегая взгляда Чжоу Юньчуаня:

— Почему?

Чжан Ихань тихо вздохнул и вмешался:

— Сяо Кэ, мы с господином Чжоу думаем о твоём благе и о нашей съёмочной группе.

Чжоу Юньчуань едва слышно вздохнул:

— Сяо Кэ, постпродакшн фильма «Погоня за убийцей» практически завершён, и мы начинаем рекламную кампанию. Если во время promotions всплывёт информация, что ты судишься с собственным братом, это может навредить фильму. Конечно, если ты настаиваешь на этом, мы не вправе вмешиваться.

Чэн Кэ поднял голову. Его лицо, обычно улыбчивое, теперь было совершенно бесстрастным, когда он смотрел на Чжоу Юньчуаня.